

А. Ветухов

**Заговоры, заклинания,
обереги**

**и другие виды народного
врачевания, основанные на вере
в силу слова. Выпуск 1-2**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 61
ББК 53.58
А11

А. Ветухов
А11 Заговоры, заклинания, обереги: и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова. Выпуск 1-2 / А. Ветухов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 531 с.

ISBN 978-5-518-00202-9

ISBN 978-5-518-00202-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

бя отъ могучихъ силъ стихійныхъ, исходя отъ своеобразнаго міропониманія.

А въ настоящее время это особенно интересно, въ виду тѣхъ новыхъ теченій и вѣяній въ наукѣ, которыя, пытаясь разъяснить многое, такъ назыв. „сверхъестественное, мистическое“ и проч. путемъ научнаго анализа, проливаютъ значительную струю свѣта и на занимающій насъ вопросъ.

Современная медицина начинаетъ открывать у своей загнанной еще въ недавнее время старшей сестры—„ду-рочки“ богатая сокровища: врачи, еще недавно огульно издѣвавшіеся надъ приѣмами народнаго врачеванія, начинаютъ все громче и громче заявлять о цѣлебныхъ свойствахъ травъ, корней, камней и проч., которыми давнымъ давно съ успѣхомъ пользовался народъ. Та сила, которая въ заговорахъ играетъ первенствующую роль — внушеніе и самовнушеніе, разрастается теперь въ наукѣ въ цѣлую теорію гипнотизма съ его разновидностями. Даже пресловутый „отводъ глазъ“ получаетъ нынѣ серіозное основаніе въ данныхъ, добываемыхъ экспериментальной психологіей, и наблюденіяхъ надъ нервными больными, при чемъ открывается возможность передачи чувствительности другому лицу или даже предмету, подмѣчается способность человѣка жить, такъ сказать, двумя душами въ одномъ тѣлѣ,—и вообще рѣзко измѣняется граница между возможнымъ и невозможнымъ, между плодомъ досузей фантазіи и продуктомъ научной мысли, точной науки.

„Экспериментальное изученіе внушенія, — говоритъ одинъ изъ выдающихся современныхъ естествоиспытателей, — способствовало открытію, среди жизненныхъ процессовъ, присутствія самовнушенія и притомъ не только непосредственнаго его вліянія на волевые акты, но и неподозрѣваемую до сего дня зависимость отъ него процессовъ, изъятыхъ, въ нормальныхъ условіяхъ жизни, изъ подъ вѣдѣнія и вліянія нашего сознанія, а слѣдовательно и нашей воли. Самовнушеніемъ могутъ быть вызваны: 1) ускореніе и замедленіе сердцебіенія, 2) кровоточивые

знаки (стигматы) и даже 3) періодическія кровоизліянія изъ различныхъ частей тѣла, напр., у Луизы Лато“¹⁾.

Позволю себѣ привести еще нѣсколько выдержекъ изъ того же автора, уясняющихъ затронутый вопросъ.

„На нашихъ глазахъ зародилась новая наука экспериментальная психологія. Вундтъ въ Германіи и Шарко во Франціи первые повели ее по новому пути; особеннаго вниманія заслуживаютъ, по моему мнѣнію, факты, добытые относительно гипнотизма. Недавно еще послѣдніе относимы были серьезными людьми въ область бредней; въ настоящее же время они засвидѣтельствованы спеціалистами врачами, достойными довѣрія, и составляютъ достояніе точной науки“. (С. 10—11).

Изъ различныхъ способовъ вызова гипноза автора особенно занимаетъ главнѣйшій и интереснѣйшій изъ нихъ—словесное внушеніе.

„Имѣются многочисленные и большимъ числомъ наблюдателей засвидѣтельствованныя показанія, что словеснымъ внушеніемъ удастся, по произволу, вызывать, какъ запоръ, такъ и поносъ, внушать рвоту, головокруженіе и сильную головную боль, или же, наоборотъ, прекратить эти страданія. Словеснымъ же внушеніемъ удастся возбуждать сильный и быстрый приливъ крови къ намѣченной заранѣ части тѣла и производить этимъ сильное ея вздутіе; можно заставить даже сочиться кровь на опредѣленныхъ заранѣ мѣстахъ, и притомъ даже черезъ опредѣленный промежутокъ времени (—полагаю,—и обратно, откуда—заговоръ крови—); удавалось, при помощи словеснаго внушенія, увеличить отдѣленіе молока у женщинъ, вызывать, а равно и прекращать менструацію, и неоднократно достигать исцѣленія отъ различныхъ недуговъ, не прибѣгая къ другимъ средствамъ“. (С. 11).

„Всѣ приведенные случаи гипноза черезъ словесное внушеніе имѣютъ общее между собою въ томъ, что здѣсь

¹⁾ Фаминицкій, А. „Современное естествознаніе“... С. 12.

происходить, по выраженію проф. Бехтерева, «непосредственное прививаніе тѣхъ или другихъ психическихъ состояній отъ одного лица къ другому, прививаніе, происходящее безъ участія воли воспринимающаго лица и нерѣдко даже безъ яснаго съ его стороны пониманія». Воля загипнотизированнаго лица, поработанная гипнотизеромъ, замѣщается волей послѣдняго, нерѣдко принуждается къ поступкамъ, противнымъ склонностямъ и характеру воспринимающаго лица“. (С. 11—12).

Если при современномъ взглядѣ на слово возможны при помощи его столь удивительныя воздѣйствія на чужую душу и на самого себя, что же должно было происходить въ тѣ времена, когда слово понималось, какъ двойникъ челоуѣка, и на ступеняхъ, близкихъ къ такому пониманію? Сколько случаевъ, способовъ очарованія (гипноза) было въ рукахъ людей съ сильной волей, всѣхъ этихъ шамановъ, колдуновъ, знахарей, шептухъ и проч., и какая, нужно полагать, это была могучая сила! Не даромъ она доліе вѣка вѣтѣсняла, да и понынѣ еще какъ тѣснитъ научную терапевтику. Неудивительно, что она въ народномъ врачеваніи легла во главу угла, исподволь видоизмѣняясь, въ связи съ измѣненіемъ міропониманія, исподволь заполняясь новымъ содержаніемъ (постепенное преобладаніе христіанскихъ понятій надъ языческими, постепенное сближеніе заговора съ молитвой, сначала апокриической, а потомъ и христіанской), но упорно сохраняя свое первенствующее мѣсто.

Точная, строгая наука, сталкиваясь съ этимъ явленіемъ долго „отмахивалась отъ него и руками и ногами“, какъ отъ своего рода наважденія. Однако, со временемъ пришлось констатировать фактъ существованія и такъ или иначе считаться съ нимъ. Часть такихъ явленій начинаетъ получать въ наукѣ права гражданства, для другихъ наука предпочитаетъ пока фигуру умолчанія ¹⁾.

¹⁾ Извѣстенъ, напр., разсказъ проф. Дю-Буа-Раймона, незадолго до смерти, о слѣдующемъ случаѣ. Врачъ небольшого

Такъ, многое изъ таинственнаго, загадочнаго въ заговорахъ, считавшееся доселѣ плодомъ дикой фантазіи невѣжественныхъ массъ, безумными суевѣріями грубой толпы, начинаетъ въ настоящее время обливаться слабыми лучами неутомимой, пытливой научной мысли.

Начинаетъ слегка приподыматься занавѣсъ надъ этимъ таинственнымъ уголкомъ человѣческой души, начинаетъ проникать глазъ изслѣдователя въ глубины ея, куда упрятались, подъ вліяніемъ безконечныхъ гоненій, эти крайне любопытные процессы мысли.

Этотъ высокій интересъ, заключенный въ исторіи жизни заговора и сродныхъ твореній, побуждаетъ автора внести хотя самую скромную долю въ его разработку, выполнить хотя черную работу, собравъ и сгруппировавъ возможно большее количество наличнаго сырого матеріала, и тѣмъ нѣсколько расчистить почву для будущихъ работниковъ на этомъ полѣ.

Если трудъ мой вызоветъ къ жизни рядъ статей, замѣтокъ, изслѣдованій по данному вопросу, направить мысль научную въ эту сторону, я буду считать себя вполне вознагражденнымъ за годы копотливаго труда.

поморскаго городка очень долго не могъ поставить діагноза одной больной. Однажды, *во снѣ*, читаетъ онъ во вновь вышедшей брошюрѣ способъ лѣченія подобной болѣзни. Примѣняетъ, проснувшись, способъ этотъ, и больная выздоравливаетъ. Года черезъ два въ одной новой брошюрѣ врачъ находитъ напечатаннымъ то, что видѣлъ во снѣ. Съ авторомъ брошюры врачъ знакомъ не былъ. Въ заключеніе своего разсказа профессоръ добавляетъ: „Наука не въ состояніи объяснить это явленіе, слѣдовательно она должна умалчивать о немъ“.

ЧАСТЬ I.

—∞—

ГЛАВА 1-я.

Миѣнія ученыхъ и изслѣдователей о заговорахъ ¹⁾.

Буслаевъ, приведя два сербскихъ заговора отъ нежити по рукописи, писанной на пергаментѣ и полууставомъ, доставленной ему Григоровичемъ, говоритъ:

„Такія заклятія носятъ на себѣ слѣды первобытной индійской мантры или *величанія*... по крайней мѣрѣ въ наименованіи миѣческаго существа и въ эпическомъ разсказѣ о какомъ-то миѣческомъ событіи. Заговоръ позднѣйшей эпохи теряетъ и эти послѣдніе остатки жреческаго періода, оставляя за собою только силу клятвы, цѣлебную или вредоносную, но совершенно забывая первоначальныя обстоятельства заклія“ („Ист. очерки“, I, 116).

„Мантра переходитъ въ закліе еще въ эпоху Ведъ; закліе есть позднѣйшій видъ мантры... Съ теченіемъ времени закліе теряетъ мало-по-малу первоначальныя черты мантры, отрывается отъ эпического цѣлаго и забываетъ величанія божествъ; но сила клятвы остается въ нерушимости, какъ сила вѣщаго слова... Брагмана, какъ обрядъ и обычай, долѣе удерживаются въ преданіи, такъ что силою обычая могли дожить до позднѣйшихъ временъ

¹⁾ Для краткости буду употреблять одинъ этотъ терминъ, какъ замѣну разновидностей, указанныхъ въ заголовкѣ моего изслѣдованія.

самыя заклятія... Знахари и вѣдьмы позднѣйшей эпохи, утративъ живую связь съ языческими божествами, вовсе не помнятъ мантры — если позволено здѣсь выразиться языкомъ Ведъ — всю сущность дѣла они полагаютъ въ языческомъ обрядѣ. Старины для нихъ, какъ и для всей массы народа въ періодъ эпическій есть страна чудесъ, откуда почерпаютъ они и силу и вдохновеніе“ (ib. 119).

„Заклинанія идутъ непосредственно отъ періода языческаго.... стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ первобытною эпическою поэзіею, входятъ въ древнѣйшій эпическій міръ, какъ отдѣльные эпизоды“ (ib. 251).

„Въ старину, хотя и презирали языческихъ боговъ, однако, не считали ихъ вовсе безсильными. И могла ли древняя вѣра въ ихъ дѣйствительное существованіе вдругъ исчезнуть или внезапно перейти къ просвѣщенному убѣжденію въ ихъ совершенномъ ничтожествѣ? Общее вѣрованіе отдаленныхъ среднихъ вѣковъ признавало языческихъ боговъ... злобными демонами, древнее владычество которыхъ должно было уступить мѣсто царству Бога истиннаго. Языческія божества какъ бы отступили въ мрачное отдѣленіе, потерявъ свои благотѣльные для человека качества, замѣнивъ ихъ въ воображеніи народа нѣкоторымъ дьявольскимъ могуществомъ, вражьиѣмъ паважденіемъ“ (ib. 253).

„Множество примѣтъ, заклятій или заговоровъ и другихъ суевѣрныхъ обычаевъ и преданій, и доселѣ живущихъ въ простомъ народѣ, свидѣтельствуетъ намъ, что та поэтическая основа, изъ которой возникли эти разрозненные члены одного общаго или цѣлаго, была не собственно языческая и уже вовсе не христіанская, но какая то смутная фантастическая среда, въ которой съ именами и предметами христіанскаго міра соединялось нѣчто другое, болѣе согласное съ миѳическими воззрѣніями народнаго эпоса“ (ib., II, 31).

„Не подобно думать, чтобъ это смутное пониманіе христіанскихъ идей было достояніемъ одной только Руси;

оно господствовало въ средневѣковьи и на западѣ, но при другихъ условіяхъ“ (ib.).

„Отличительной чертой этого смутнаго состоянія духа было суевѣрное убѣжденіе въ какую-то чарующую, сверхъестественную силу, которая ежеминутно въ быту житейскомъ, въ томъ или другомъ важномъ случаѣ жизни можетъ оказать свое необычное дѣйствіе... Захваченная христіанствомъ врасплохъ народная фантазія, не очищенная отъ языческихъ представленій и запуганная ими, уже какъ наважденіемъ дьявольскимъ, но все-же, какъ отъ родной старины, не отказавшаяся отъ нихъ, естественно должна была сойти съ своего свободнаго и творческаго поприща, и, такъ сказать, сжаться въ болѣе тѣсномъ кругу цѣлаго ряда мелкихъ суевѣрій, которыя, однако, тѣмъ не менѣе обнимали и доселѣ въ простомъ народѣ объемлютъ всю жизнь, всѣ крупныя и мелкія явленія ея“ (ib. 32).

Такъ еще Буслаевъ, мимоходомъ, сумѣлъ слегка приподнять уголокъ завѣсы, хранящей тайны прошлаго, дать нѣсколько вѣрныхъ и тонкихъ штриховъ для той грандіозной картины, которая постепенно обрисовывалась, хотя и неполнобѣ ясными тонами, у дальнѣйшихъ изслѣдователей. Это обстоятельство съ одной стороны, а съ другой—огромный авторитетъ Буслаева, какъ ученаго, направили по его дорогѣ, отчасти или всецѣло, и многихъ изъ позднѣйшихъ ученыхъ; такъ что нѣкоторымъ, съ нимъ несогласнымъ, напр., Потебнѣ, пришлось уже вступить въ борьбу съ цѣлой школой, съ сложившеюся традиціей.

Аванасьевъ, отправившись вслѣдъ за предшественникомъ, совершилъ свой путь болѣе прямолинейно, и потому опредѣленіе заговора въ его толкованіи значительно сузилось. „Заговоры суть обломки древне-языческихъ молитвъ и заклинаній, и потому представляютъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ и интересныхъ матеріаловъ для изслѣдователя исторической старины. Безъ сомнѣнія они не могли дойти и не дошли до насъ во всей своей свѣжести, полнотѣ и неизмѣнности, наравнѣ съ другими устны-

ми памятниками и они подверглись значительнымъ измѣненіямъ—отчасти вслѣдствіе сокрушительнаго вліянія времени, отчасти вслѣдствіе того разрыва, какой произвело въ послѣдовательномъ развитіи народныхъ убѣжденій принятіе христіанства. Несмотря на это заговоры сохранили намъ драгоцѣнныя свидѣтельства. Въ нихъ встрѣчаемъ мы много страннаго, загадочнаго, необъяснимаго съ перваго раза, что близорукіе любители народности привыкли принимать за бесполезный хламъ, но что при болѣе серіозной критикѣ оказывается отголосками поэтическихъ воззрѣній глубочайшей древности. Кто приступитъ къ изученію заговоровъ сравнительно съ ведическими гимнами, того непременно поразитъ замѣчательное согласіе въ представленіяхъ, допускаемыхъ тѣми и другими. Различіе только въ томъ, что въ гимнахъ Ведъ представленія эти не утратили еще ни своей ясности, ни взаимной связи, а въ заговорахъ смыслъ ихъ уже окончательно утерянъ для народа. Такая вѣковая прочность заговорнаго слова усиливалась самымъ значеніемъ его въ народной жизни.

„Въ то время, какъ загадки, пѣсни и сказки сдѣлались средствомъ развлеченія, усладою досуга, низошли съ своей эпической высоты, и потому удобнѣе могли быть подновляемы въ языкѣ и въ обстановкѣ главнаго содержанія,—заговоры удержали за собою тотъ строгій характеръ, который не дозволяетъ никакихъ намѣренныхъ отступленій и профанацій. Они не пригодны для забавы, и какъ памятники вѣщаго, чародѣйнаго слова вмѣщаютъ въ себѣ страшную силу, которую не слѣдуетъ пытаться безъ крайней нужды, иначе наживешь бѣду. Заговоры поэтому вышли изъ общаго употребленія и оставили предметъ тайнаго вѣдѣнія знахарей, колдуновъ, лѣкарокъ и ворожеекъ; къ нимъ и обращается народъ въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо прибѣгнуть къ помощи страшныхъ заклятій.

„Могучая сила заговоровъ заключается именно въ извѣстныхъ эпическихъ выраженіяхъ, въ издревле узаконенныхъ формулахъ; какъ скоро позабыты или измѣнены формулы—заклятіе не дѣйствительно. Это убѣжденіе за-

ставило съ особенною заботливостью оберегать самое слово заговора, хранить его, какъ святыню. Въ помощь памяти стали заносить заговоры на тетрадки, и рѣдкій народный лѣчебникъ или травникъ найдется безъ заговоровъ; подобныя рукописи, писанныя большею частью безграмотно, составляютъ истинный кладъ науки. Къ сожалѣнію они не восходятъ ранѣе XVIII столѣтія; до-петровская Русь сурово относилась къ народному суевѣрію, и вмѣстѣ съ колдунами и вѣдьмами жгла ихъ волшебныя тетрадки“ („Поэтич. возвр.“, I, 43—5).

„Подъ вліяніемъ метафоричности языка глаза человѣческіе должны были получить таинственное сверхъестественное значеніе. То, что прежде говорилось о небесныхъ очахъ, въ послѣдствіи, понятое буквально,—перенесено человекомъ на самого себя. Знойный блескъ солнечнаго ока производитъ засуху, неурожай и болѣзни; сверкающіе взоры Перуна посылаютъ смерть и пожары; та же страшная сила усвоена и человѣческому зрѣнію. Отсюда родилась вѣра въ *призоръ* или *сглазъ*, общая всѣмъ индо-европейскимъ народамъ“ (ib. 172).

„Первыя молитвы (молить=молыти, молвити) народа были и первыми его пѣснопѣніями; онѣ являлись плодомъ того сильнаго поэтическаго одушевленія, какое уславливалось и близостью человека къ природѣ, и возрѣніемъ на нее, какъ на существо живое, и яркостью первичныхъ впечатлѣній ума и творческою силою древнѣйшаго языка, обозначавшаго все въ пластическихъ животрепещущихъ образахъ. Отъ священныхъ гимновъ Ведъ вѣтъ истиннымъ неподдѣльнымъ духомъ поэзіи. Заговоры наши также исполнены мастерскими описаніями природы, въ нихъ замѣчается метръ и подчасъ народная рѣча“ (ib. 412—3).

Несмотря на нѣкоторое суженіе общаго кругозора, Аванасьевъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовалъ разработкѣ исторіи заговора, выдвинувъ въ достаточной уже мѣрѣ впередъ силу слова и тѣмъ заставивъ дальнѣйшихъ

ислѣдователей долѣе и внимательнѣе остановиться на ея роли въ эволюціи заговора ¹⁾).

Таково, напр., сужденіе по этому вопросу *Ор. Ө. Миллера*: „Самое названіе (—заговоръ) уже показываетъ, что слову приписывается тутъ съ одной стороны совершенно практическое, съ другой—чрезвычайное, могущественное значеніе. Посредствомъ заговора, по простодушному первобытному вѣрованію, думали овладѣть тою или другою силою природы и, охвативъ ее, такъ сказать, словами, или нанести ее, наговорить на то или другое, и подобнымъ же ваговоромъ что-либо вредное въ томъ или другомъ притупить, пришибить, уничтожить, — заговорить“ („Опытъ“, с. 66).

„Въ собственномъ смыслѣ всѣ древнѣйшія пѣсни молитвеннаго содержанія — молитвы только въ переводѣ на позднѣйшій языкъ, первоначально всѣ онѣ были именно

¹⁾ Къ числу непосредственныхъ послѣдователей Аванасьева, принявшихъ его точку зрѣнія почти безъ оговорокъ, можно отнести:

а) *Иващенко* („Шептанія“): „Въ процессѣ шептанія, какъ выраженіи таинственнаго, священнаго знанія, лежитъ народное вѣрованіе въ чудодѣйственную силу слова и обряда, относящихся къ олицетвореннымъ или же просто стихійнымъ силамъ природы. Слѣдовательно, идея вѣрованія въ словесно-обрядовое врачевство является археологическимъ обломкомъ молитвенныхъ языческихъ возношеній къ доброму или злему (для человѣка) началу въ природѣ съ цѣлью воспользоваться помощью этого или другого и предрасположить ихъ къ себѣ“. (С. 9-я).

б) *Помяловская*: Заговоръ первоначально „простая молитва, въ которой человѣкъ проситъ божество пріостановить или прекратить извѣстное его или другого божества вліяніе на себя или на другого... Но уже въ очень раннее время молитва и просьба перепли въ приказаніе“ („Эпигр. этюды“, с. 51-я).

Интересно, что та же точка зрѣнія встрѣчается и у иностранныхъ изслѣдователей вопроса. Мнѣ пришлось натолкнуться на нее у *Аммана*: „Можетъ быть, что древнія заклинательныя формулы не что иное, какъ формулы околѣнѣвшихъ молитвъ языческаго времени“ („Volkssegen“, II, 198).